

**КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ**

Рождественские сказки

Гофмана

*Целкунчик
и другие
волшебные
истории*

Москва
алгоритм
2019

УДК 821.112.2
ББК 84(4Нем)
Г57

Гофман Э.Т.А.

Г57 Рождественские сказки Гофмана. Шелкунчик и другие волшебные сказки / Пер. с нем. — М.: Алгоритм, 2019. — 752 с.: илл. — (Подарочные издания. Иллюстрированная классика).

ISBN 978-5-907211-65-0

Творчество Гофмана состоит из нерушимой связи фантастического и реального миров, причудливые персонажи соединяют действительность с мистикой, повседневную жизнь с призрачными видениями. Герои писателя пытаются вырваться из оков окружающего их мироздания и создать свой исключительный чувствительный мираж.

Сочинения Гофмана пронизаны ощущением двойственности бытия первых десятилетий XIX века, мучительного разлада в душе человека между идеалом и действительностью, искусством и земной жизнью. Достоинство истинного творца, каким и был Гофман, не может смириться с непрестанной борьбой за кусок хлеба, без которого невозможно человеческое существование.

**УДК 821.112.2
ББК 84(4Нем)**

© Вострышев М.И., состав, комментарий,
2019

ISBN 978-5-907211-65-0

© ООО «Агентство Алгоритм», 2019

Фантазии великого сказочника

Творчество Гофмана состоит из нерушимой связи фантастического и реального миров, его причудливые персонажи соединяют действительность с мистикой, повседневную жизнь с призрачными видениями. Герои писателя пытаются вырваться из оков окружающего их мироздания и создать свой исключительный чувствительный мираж. Сказки, рассказы, повести, романы Гофмана пронизывает ощущение двойственности бытия первых десятилетий XIX века, мучительного разлада в душе человека между идеалом и действительностью, искусством и земной жизнью. Достоинство истинного творца, каким и был Гофман, не может смириться с непрестанной борьбой за кусок хлеба, без которого невозможно человеческое существование.

Гофман, несомненно, один из самых юмористичных и ироничных писателей в немецкой литературе. Его юмор, склонность его к насмешливому гротеску вовсе не были только литературным приемом. Это была позиция писателя по отношению к жизни и к людям. За смехом, язвительным и агрессивным, писателю с трудом удается скрыть глубокое внутреннее отчаяние. Он жил только своим искусством, и только с ним шел по жизни. Гофман писал своему другу Гиппелю: «Тому, что в моей черепной коробке порой происходит нечто эксцентричное, я, по здравом размышлении, не радуюсь — эта эксцентричность роняет меня в глазах окружающих, и люди, привыкшие раскладывать все по полочкам и взвешивать на аптечных весах, порой хотели бы поставить передо мной свой ортодоксальный шлагбаум или надеть мне на шею свой официальный хомут».

Гофман превращает унылую повседневность в сказочную феерию, заурядных людей — в магов и кудесников. Душный

мещанский мирок преобразается в волшебную музыкальную симфонию, между небом и землей рушатся преграды, отвратительная атмосфера чиновников сменяется гимном духовному мирозданию.

«Пиковая дама» Пушкина, «Нос» Гоголя, «Двойник» Достоевского, «Мастер и Маргарита» Булгакова — над всеми этими произведениями русских писателей незримо витает тень великого немецкого сказочника.

6

В городе Кёнигсберге, ставшим в XVIII веке резиденцией прусских королей, в семье адвоката королевского суда 24 января 1776 года родился Эрнст Теодор Вильгельм Гофман, теперь известный как Эрнст Теодор Амадей Гофман. Свое третье имя, полученное при крещении, уже в зрелом возрасте Гофман сменил на Амадея в честь Вольфганга Амадея Моцарта — композитора, перед творчеством которого он преклонялся.

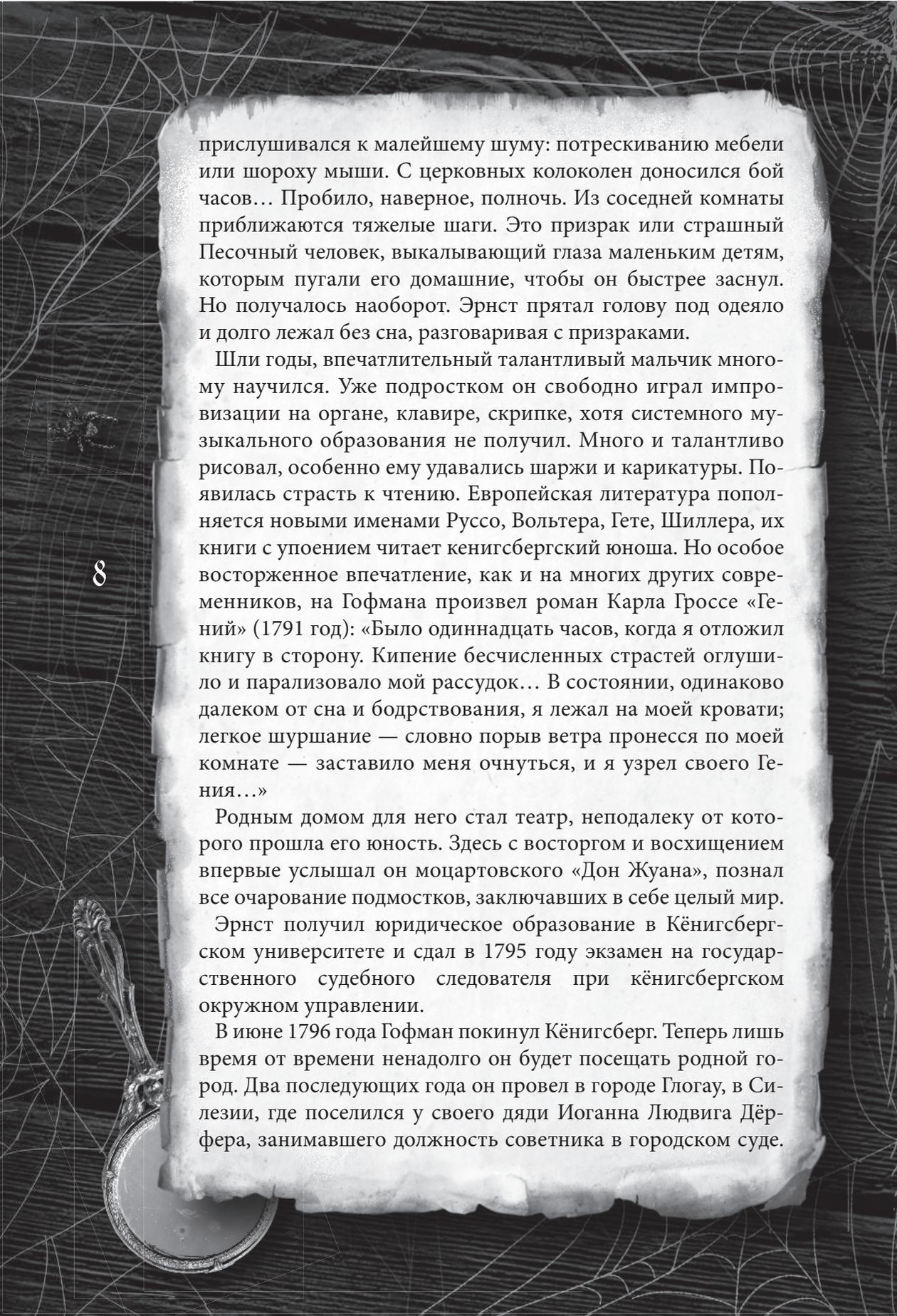
Вскоре после рождения Эрнста его родителя расстались, мать с двухлетним Эрнстом возвратилась в дом своих родителей Дёрферов, где он и прожил первые два десятилетия на попечении педантичной бабушки и беспечного дяди. Мать не принимала никакого участия в воспитании сына, и ее смерть в 1796 года оставила сына равнодушным. Уже став взрослым мужчиной, Гофман не раз сетовал, что у него в детстве не было настоящей семьи.

Своему ближайшему другу Теодору Гиппелю он в 1806 году напишет: «Что за родственников дала мне судьба! Были бы у меня отец и дядя, как у тебя!.. Ты был окружен своей семьей, у меня же не было семьи. Тебе предстоит жить и восходить вверх ради государства, меня же сковывает жалкая посредственность, в которой я могу пропасть».

С малых лет Эрнст испытывал чувство одиночества в мире, его преследовали мистические видения. В девять часов вечера мальчика отправляли спать. Со свечой в руке он проходил на цыпочках по пустынным комнатам, быстро скользил мимо зеркал, потому что, если дети, ложась спать, смотрят в зеркало, то им могут присниться страшные рожи. Старая служанка очень часто уверяла его в этом. Лежа в постели, он

Соборная площадь в Кёнигсберге.
Рисунок Гофмана

прислушивался к малейшему шуму: потрескиванию мебели или шороху мыши. С церковных колоколен доносился бой часов... Пробило, наверное, полночь. Из соседней комнаты приближаются тяжелые шаги. Это призрак или страшный Песочный человек, выкалывающий глаза маленьким детям, которым пугали его домашние, чтобы он быстрее заснул. Но получалось наоборот. Эрнст прятал голову под одеяло и долго лежал без сна, разговаривая с призраками.

Шли годы, впечатлительный талантливый мальчик многому научился. Уже подростком он свободно играл импровизации на органе, клавире, скрипке, хотя системного музыкального образования не получил. Много и талантливо рисовал, особенно ему удавались шаржи и карикатуры. Появилась страсть к чтению. Европейская литература пополняется новыми именами Руссо, Вольтера, Гете, Шиллера, их книги с упоением читает кёнигсбергский юноша. Но особое восторженное впечатление, как и на многих других современников, на Гофмана произвел роман Карла Гроссе «Гений» (1791 год): «Было одиннадцать часов, когда я отложил книгу в сторону. Кипение бесчисленных страстей оглушило и парализовало мой рассудок... В состоянии, одинаково далеко от сна и бодрствования, я лежал на моей кровати; легкое шуршание — словно порыв ветра пронесся по моей комнате — заставило меня очнуться, и я узрел своего Гения...»

Родным домом для него стал театр, неподалеку от которого прошла его юность. Здесь с восторгом и восхищением впервые услышал он моцартовского «Дон Жуана», познал все очарование подмостков, заключавших в себе целый мир.

Эрнст получил юридическое образование в Кёнигсбергском университете и сдал в 1795 году экзамен на государственного судебного следователя при кёнигсбергском окружном управлении.

В июне 1796 года Гофман покинул Кёнигсберг. Теперь лишь время от времени ненадолго он будет посещать родной город. Два последующих года он провел в городе Глогау, в Силезии, где поселился у своего дяди Иоганна Людвига Дёрфера, занимавшего должность советника в городском суде.

В доме дяди часто устраивались музыкальные концерты, в которых непременно участвовал и племянник. В Глогау Гофман также серьезно увлекся живописью.

В июне 1798 года, через несколько месяцев после обручения с кузиной Минной Дёрфер, Гофман сдал экзамен на референдаря (должностное лицо, принимавшее жалобы от частных лиц и передававший их содержание канцлеру) и переехал жить в прусскую столицу Берлин. По-настоящему большой немецкий город с населением около 200 тысяч человек к этому времени находился в периоде экономического процветания. Здесь царил пестрая смесь нищеты и богатства, были выставлены напоказ великолепие и убожество. Гофман с комфортом проводил свое время в богатой квартире родственников Дёрферов и в апелляционном суде, общаясь, в основном, в кругу зажиточных людей. Берлин захватил молодого юриста в свой водоворот жизни. Он посещает концерты, театры, музеи, общества художников; вхож в литературные, музыкальные, оперные круги, берет уроки музыки у композитора Иоганна Фридриха Райхардта. Он получил доступ и на берлинскую театральную сцену, сближается с людьми театрального мира, становится постоянным посетителем Национального театра и Королевского оперного театра, где ставят оперы Моцарта и знаменитых итальянских композиторов. Гофман начинает сам потихоньку сочинять музыку, рисовать пейзажи, ведет путевой дневник. Он формулирует собственный эстетический принцип: разум не должен сковывать фантазию.

Гофман как капельмейстер (руководитель хоровой капеллы) и композитор сумел проявить себя уже в 1790-х годах. В 1799 году он сочиняет несколько песен для гитары и пишет зингшпиль «Маска» (его первое большое сохранившееся до наших дней музыкальное произведение).

В мае 1800 года после сдачи экзамена на звание ассессора Гофмана перевели в Верховный суд в Познань. Этот один из старейших городов Польши лишь семь последних лет принадлежал прусской короне, и прусская администрация проводила здесь жесткую политику германизации. Гофман сразу почувствовал солидарность с не сломленным вопре-

ки всему национальным духом поляков — черта эта нередко проявлялась в его литературных произведениях.

Сослуживец Гофмага Хитциг вспоминал: «Поступление на службу в бывшие польские провинции для каждого молодого человека не слишком строгих правил таило в себе большую угрозу, поскольку он спешил тогда изведать в жизни всего... Этому способствовали обычаи страны, согласно которым ты вынужден пить везде, куда бы ни ступила твоя нога, и притом пить крепчайшее венгерское вино, без которого не обходится ни один поляк».

Гофман, живший раньше всегда под надзором родственников, в полной мере использовал представившуюся ему возможность перейти через край дозволенного. Он называл свои попойки с сослуживцами «чрезвычайно веселым братством». Хотя не все свободное время он уделял бражничеству, он сочинил музыкальную комедию, которая с успехом шла на сцене местного театра. Время, которое Гофман провел в Познани, дало ему возможность стать самостоятельным, почувствовать свободу. Он стал, по его собственному выражению, «тем, кого тетки и дядя, учителя и священники называют беспутным малым».

Через четыре месяца после расторжения в марте 1802 года помолвки с нелюбимой Минной Дёрфер Гофман обвенчался с Михалиной Рорер-Тшциньской (Мишей). В это же время за карикатуры на познаньских прусских высокопоставленных чиновников, которые появились в городе и переходили из рук в руки, ему пришлось расстаться с хорошо оплачиваемой должностью и вместе с молодой женой покинуть Познань.

Жить молодоженам предстояло «в изгнании» в древнем городе на Висле — Плоцке. Пережив в далеком прошлом эпоху своей исторической значимости, этот город пришел в запустение и упадок. Это было место, где «умирает всякая радость, где я погребен заживо». Нелюбимая профессия вынуждает Гофмана ежедневно вершить суд над неимущими поляками и евреями, нищетой превращенными в воров и укрывателей краденого. Он, однако, относился к профессии юриста чрезвычайно серьезно: единодушные свидетельства современ-

◆◆◆

Гофман с женой Михалиной

ников представляют его как исполнительного, корректного и проникательного чиновника. В свободное от службы время Гофман сочиняет церковную музыку, и кое-что из его творчества исполняется в местных храмах. Он изучает теорию музыки, рисует портреты и копирует росписи этрусских ваз.

В апреле 1804 года пришел конец испытаниям. Благожелательные берлинские друзья добились перевода опального государственного советника в прусский Верховный суд в Варшаве. С глубоким облегчением покидал Гофман ненавистный Плоцк, томительное пребывание в котором сумел выдержать лишь благодаря терпению и ласки молодой жены, любви к искусству и наличию вина в местных трактирах.

Гофман, как отзывался о нем в декабре 1805 года начальник окружного управления фон Данкельман, был «постоянно усерден, умел и деловит». В Варшаве, будучи материально обеспеченным благодаря своему заработку государственного советника, он нашел досуг и вдохновение, чтобы развивать собственные художественные наклонности. Встречи с интересными людьми тоже весьма способствовали тому, что быстро пролетевшие годы пребывания в Варшаве стали одним из столь редких в жизни Гофмана счастливых периодов. Сочинение музыки становится его любимым досугом. Он приобретает в Варшаве славу искусного музыканта, организатора музыкальных вечеров. Его комические оперы ставились на сцене Варшавского театра, он выступал и как дирижер.

В январе 1807 года по дороге в Познань почтовая карета, в которой отправилась к родителям Михалина Гофман с двухлетней дочкой Цецилией, опрокинулась. Девочка погибла, а Михалина получила серьезное ранение в голову. Когда Гофман узнал об этой трагедии, с ним случилась нервная горячка, сопровождавшаяся несколькими приступами безумия.

В середине июня 1807 года в возрасте тридцати одного года Гофман покидает Варшаву, где снискал первые успехи как художник и композитор и, наконец, пережил временное завершение ненавистной чиновничьей карьеры. Внешние обстоятельства подтолкнули его к этому шагу: французские власти потребовали от оставшихся прусских чиновников

принесения присяги на верность Наполеону. В противном случае они должны покинуть Варшаву в течение недели. Гофман отказывается принести присягу.

В нужде и почти в голоде около года он прожил в Берлине. Но еще никогда Гофман не имел столько свободы. Но его в тоже время наполняют вновь беспокойством вернувшиеся, некогда в детстве и юности пережитые страхи. И он учится, по собственному признанию, «бороться с самим собой». Гофман не имел в будущем ничего определенного — одни только расплывчатые перспективы, планы, обещания, надежды. У него не было денег, и приходилось брать в долг у знакомых.

Наконец в начале сентября 1808 года он переезжает в город Бамберг в Южную Германию, где ему предложили должность капельмейстера местного театра. Именно здесь Гофман понял, что именно слово раскрывает перед ним возможность выразить любовь и презрение, свой причудливый юмор, все свое существо, все то, что глубоко его затрагивало. В пятилетний бамбергский период жизни Гофман всецело посвятил себя искусству, пристрастился к таинственному и мистическому творчеству.

Духовная жизнь города несла на себе глубокий отпечаток католицизма в соприкосновении с романтическими устремлениями. Здесь Гофман изучил старинную церковную музыку Палестрины, Марчелло, Лео, Дуранте, здесь сочинил свое самое обширное и талантливое музыкальное произведение «Miserere» для солистов, хора и оркестра (1809 год). При Гофмане достиг своего наивысшего расцвета Бамбергский театр, в работе которого он участвовал как театральный композитор, декоратор и драматург.

Навсегда покидая в апреле 1813 года город на Регнице, он среди скудной дорожной поклажи увозил и наброски новых литературных произведений. Потом были Дрезден и Лейпциг, где он занимал должность музыкального директора оперной труппы Йозефа Секонды. Сначала была радость, рожденная ощущением, что он справляется со своей задачей. Но рутинная повседневная работа приглушила ощущение успеха. Три раза в неделю спектакль, четыре раза — репетиция, постановки менялась почти еженедельно. Обычно

давали проверенные временем популярные вещи. Становилось скучно.

Больше теперь его привлекало литературное творчество. Писательский дебют состоялся в 1809 году, когда в Лейпциге во «Всеобщей музыкальной газете» появилась его рассказ «Кавалер Глюк». С тех пор он все более утверждает себя как писатель. Рассказы посыпались как из рога изобилия. К работе в театре он уже относился как к второстепенному занятию, и директор Секонд в конце февраля 1814 года уволил его.

Гофман прожил оставшиеся деньги и думал, как устроить свое будущее. Зарабатывает на жизнь, рисуя карикатуры на Наполеона и проводимую им политику, и сочиняет рецензии для «Всеобщей музыкальной газеты». Он советуется с друзьями о возможности восстановиться на государственной службе. В марте 1814 года писатель начинает писать роман «Эликсиры сатаны». Большой успех принесли Гофману два первых тома «Фантазий в манере Калло», вышедшие в начале мая 1814 года (Жак Калло — французский живописец XVIII века, прославился гротескными гравюрами).

С сентября 1814 года Гофман вновь поселился в Берлине. В городе, уставшем от войн, начинают процветать оккультные науки. Снова входят в моду всевозможные суеверия, бесчисленные мистические секты находят множество восторженных последователей. Это увлечение зашло так далеко, что в Берлинском университете были учреждены две кафедры, посвященные изучению животного магнетизма (согласно этому учению, люди выделяют особого рода магнитную энергию, которая позволяет им устанавливать телепатическую связь друг с другом).

Премьера оперы Гофмана «Ундина» состоялась в Берлинском Национальном театре 3 августа 1816 года, в день рождения короля, что дополнительно придало значение этому событию и привлекло к нему особое внимание. Музыка понравилась публике, но критики отозвались о ней сдержанно. До лета 1817 года опера выдержала четырнадцать представлений. По условиям того времени это было много. Намечались и дальше сохранять оперу в репертуаре. Однако

Карикатура Гофмана на самого себя